

ИОСАФАТ КУНЦЕВИЧ: ОТ РЕЛИГИОЗНОГО ДЕЯТЕЛЯ К МИФОЛОГИЗИРОВАННОМУ СИМВОЛУ

Каминский Владимир Юрьевич

Республиканский институт высшей школы; (г. Минск, Беларусь)

В докладе описывается межконфессиональный конфликт униатского архиепископа Иосафата Кунцевича с православными верующими полоцкой епархии из-за беспоповского погребения умерших. Обращается внимание на его действия в рамках тогдашнего государственного законодательства, которое позволило разгореться конфликту. Акцентируется внимание на несовпадение исторической личности Кунцевича с его литургическими, идеологическими и полемическими образами.

С момента трагической гибели Иосафата Кунцевича (ок. 1580—1623), униатского архиепископа полоцкого и католического святого, прошло более 400 лет, но до сих пор в историографии отсутствует обобщающее исследование его деятельности, свободное от эмоциональной окраски и полемической напряжённости. Такому положению дел способствовала поэтапная трансформация его образа в исторической памяти от религиозного деятеля к мифологизированному символу. Почитание Иосафата как мученика за веру с течением времени приобрело черты культа католического епископа-миссионера, покровителя Речи Посполитой обоих народов, святого-целителя от болезней, личного патрона семьи Радзивиллов, небесного патрона Руси, молитвенного заступника повстанцев 1863—1864 гг. Восприятие украинскими греко-католиками XIX в. И. Кунцевича как польского епископа, в XX в. сменилось восприятием его как украинского (или белорусского) национального святого. В представлении противников Иосафата также наблюдалась эволюция образа от отступника и душехвата православных, до религиозного фанатика, самоубийцы и национального угнетателя [1, с. 3]. Очевидно, обоснование этих культовых и полемических аспектов можно найти и интерпретировать в биографии полоцкого архиепископа, но необходимо помнить об определённой дистанции между исторической реальностью религиозного деятеля и литургической реальностью его же образа в богослужении, идеологии и полемике.

Важно не забывать, что оппоненты-современники никогда не ставили под сомнение искренности личного благочестия Кунцевича и отвергали его за эклезиологический (эклезиология — учение о Церкви) выбор, в соответствии с которым он действовал. Будь такой деятель у православной стороны, он также почитался бы во святых как иерарх или мученик за веру.

Государственная власть признала акт Берестейской унии 1596 г. на уровне закона и, поэтому, противники объявленного соединения фактически становились преступниками. Первое время православными христианами себя считали и одновременно называли сторонники унии и их оппоненты [2, с. 11]. Иосафат проводил последовательную линию бескомпромиссных отношений с отвергнувшими церковную унию православными в условиях безусловной поддержки государством католической Церкви и присоединившихся к ней униатов, тщательно придерживаясь буквы тогдашнего религиозного и церковного законодательства: подавал жалобы в суд, закрывал храмы противящихся епископской власти.

Наибольшие эмоции до сих пор вызывает конфликт Кунцевича с полоцкими православными из-за беспоповского совершения богослужений, крещений и похорон. Поскольку кладбища были зоной законной власти архиепископа, он в результате противостояния запретил хоронить там верующих, не отпетых униатскими священниками, приравняв таких умерших к самоубийцам, подлежащим погребению в отдалённых местах.

1 апреля 1621 г. архиепископ, возмущённый беспоповским погребением малолетнего внука полоцкого войта Петра Васильевича, который выполнял функции старшего на мирянских службах, приказал своему священнику раскопать могилу и совершить чин отпевания над мальчиком как это полагалось. Люди не позволили священнику выполнить приказание и пожаловались в суд [3, с. 263–264]. Волынские депутаты варшавского сейма 1622 г. уже эмоционально жаловались королю, что полоцкий владыка приказал выкопать тела православных и бросить собакам [4, с. 327]. Такой эмоциональный накал вполне объясним степенью обострённости отношений, вскоре приведшей к массовому возмущению и убийству архиепископа.

В жизнеописании Иосафата, авторства Я. Суши, приводятся примеры перезахоронения с виленского монастырского кладбища в отдалённые места останков, подозреваемых в принадлежности вурдалакам [5, с. 33]. Это считалось нормальным в эпоху XVI-нач. XVII вв.

Документы той эпохи запечатлели множество шляхетских споров о местах погребения и жалоб на эксгумацию останков. Наверное, ярчайшим примером нравов того времени является история вооружённой борьбы православного луцкого епископа Ионы Борзобогатого-Красенского (около 1505–1585) за владение Жидичинским монастырём, в результате которого кости его родственников были выкопаны и выброшены за монастырские стены осуществившим законную передачу имущества православным князем А. Пронским [6, с. 189–191].

Упрёки Иосафата Кунцевича в жёсткости поведения могли быть оправданы в современную эпоху, но 400 лет назад такая линия межконфессиональных отношений определялась государственной властью и считалась нормой представителями всех конфессий. В один ряд с полоцким архиепископом по признаку бескомпромиссности можно смело поставить дораскольного святого Порфирия (347–420), насильно крестившего жителей г. Газы, российских борцов со старообрядцами Питирима Нижегородского (около 1665–1738), митрополита Ростовского Арсения (Мацеевича) (1697–1772), патриарха Никона (1605–1681) и др.

Основная ответственность за межконфессиональный конфликт в XVI–XVII вв. лежит на королевской власти Сигизмунда Вазы (1566–1632), не сумев-

шого отрегулювати релігійну політику, змінивши мирне сосуществование конфесій, закріплене актом Варшавської конфедерації 1573 г. і не дозволивши законним образом самоорганізуватися православним, отвергнувшим унію.

Литература

1. Morawiec, N. (De) Constructing Sanctity. Josaphat Kuntsevych and the “Reversed” Historiography of Iosif Semashko / N. Morawiec // *Seminare Poszukiwania naukowe*. – 2021. – December. – P. 3.
2. Галадза, П. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття / П. Галадза // *Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті : матеріали Четвертих “Берестейських читань”, Львів, Луцьк, Київ, 2 - 6 жовтня 1995 р.* / Інститут Історії Церкви Львівсько Богословської Академії ; ред.: Б. Гудзяк, О. Турій. – Львів : 1997. – С. 11.
3. 1621 г. Апрель 12. Заявление вознаго Ивана Скирмонта о поступкѣ Полотскаго православнаго мѣщанина при погребеніи тѣла его сына // *Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверозападной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа*. – Вильна : 1867. – Т. 1. – № 88. – С. 263-264.
4. 1622 г. – Отрывок из жалобы волынских депутатов Варшавскому сейму и сенату Речи Посполитой от всех православных жителей Белой Руси и Украины на преследования православной веры католиками и униатами // *Уния в документах : Сб. / сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева*. – Минск. : «Лучи Софии». – 1997. – № 113. – С. 326-327.
5. Susza, J. *Cursus vitae et certamen martyrii B. Josaphat Kuncevicii, archiepiscopi Polocensis, episcopi Vitebscensis et Mscislaviensis* / J. Susza. – Parisiis : Victor Palmé, 1865. – P. 33/
6. Жалоба епископа Луцкаго, Іоны Красенскаго, о томъ, что князь Александръ Пронскій, староста Луцкій, отнялъ у него, вооруженною рукою, монастырь Жидичинскій, вѣлелъ выкопать кости его сына и нѣвестки и выбросить изъ монастыря. 1584 іюня 6 // *Архивъ Югозападной Россіи, издаваемый Временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, высочайше учрежденною при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генераль-губернаторѣ [в 35 тт.]*. – Ч. 1: Акты, относящіяся къ исторіи православной церкви въ Югозападной Россіи. – Т. I. – Кіевъ. : Въ университетской типографіи. – 1859. – № 40. – С. 189-191.